

НАША ИСТОРИЯ

Начало звездного пути

Для прославленного полководца оно начиналось на Белорусской земле

О вкладе маршала Жукова в победу над гитлеровской Германией написаны книги, сняты фильмы. Но далеко не все знают, что этот самородок из российской глубинки свой полководческий талант оттачивал в Беларуси. В 26 лет командовал полком прославленной Самарской кавалерийской дивизии, базировавшейся в Минске. В 1925 году, окончив курсы усовершенствования командного состава, он с группой молодых командиров из Москвы возвращался в белорусскую столицу не поездом, а на лошадах, заслужив за пропаганду кавалерии благодарность руководства... Потом четыре с половиной года Георгий Жуков командовал в Слуцке дивизией, был заместителем командующего войсками Белорусского особого военного округа...

О человеке необычной судьбы в старинном белорусском городе Слуцке сегодня напоминает бюст четырехжды Героя Советского Союза, улица имени Жукова, многочисленные экспонаты краеведческого музея, где хранится и книга мемуаров полководца «Воспоминания и размышления» с дарственной надписью автора... А еще – многочисленные воспоминания сослуживцев, земляков Георгия Константиновича, из которых видно, что прославленный военачальник и в начале своего звездного пути был личностью одаренной, целеустремленной, незаурядной...

Без страха и упрека

«Вы крайне несправедливый командующий войсками округа, я не хочу служить с вами и прошу откомандировать меня в любой другой округ. Жуков».

Такую злую телеграмму Георгий Константинович послал командующему Белорусским военным округом И. Уборевичу в середине 1933 года. Чтобы понять обиду Жукова, нужно знать некоторые детали...

В Гражданскую войну 4-я кавалерийская дивизия составляла ядро прославленной Первой конной армии. С. Буденный в мемуарах красочно описывал блестящие победы этого соединения над белогвардейцами. Неудивительно, что и в мирное время 4-я кавалерийская была в особом почете, не многие, как она, имели право носить имя пребывающего у власти наркома обороны СССР К. Ворошилова.

Но в 1932 году по непонятным причинам дивизию соскочаплительно перебросили из-под Ленинграда в Слуцк. На абсолютно неподготовленное место. Пришлось срочно обустроиваться, чаще опираясь на армейскую смекалку, находчивость, чем на помощь сверху. Естественно, очередная провер-

ка обнаружила в Слуцке скорее хозяйственно-строительную организацию, чем легендарное боееспособное соединение.

Такого унижения своей любимой дивизии в Москве стерпеть не могли. Срочно сняли командира. На его место назначили подготовленного, требовательного к себе и другим 37-летнего Жукова. Весной 1933-го Георгий Константинович прибыл на место нового назначения. В книге «Воспоминания и размышления» он так описывает свои первые впечатления:

«В Слуцк мы попали в период весенней распутицы. На станции была непролазная грязь, и пока добрались до экипажа, жена не раз оставляла свои галоши в грязи. Сидя у меня на плечах, дочь Эра спросила: – Почему здесь нет тротуара, как у нас в Сокольниках?

Я ей ответил: – Здесь будет тротуар и красивая площадь, но только позже... Мне с семьей пришлось временно приютиться в 8-метровой комнате у начальника химслужбы дивизии...»

Практичный, с крестьянской хваткой, строгий, но справедливый молодой комдив при поддержке местных властей быстро навел по-

рядок в своем хозяйстве, в котором было ни много ни мало 12 500 бойцов, тысячи лошадей, множество техники, оружия. Но буквально через полгода после вступления в новую должность, когда Жуков пытался поспеть вскоду – что-то найти, где-то потребовать, помочь, – он вдруг получил выговор от командующего войсками округа. Первый в его служебной карьере. Но не само наказание подняло бурю протеста в душе молодого командира, а то, что оно было абсолютно незаслуженным – на всякий случай, чтобы другим неповадно было... Георгий Константинович – личность незаурядная, сильная, он умел держать в узде свои чувства, эмоции. Как-то смял пачку папирос, выбросил и сказал: «Больше не курю!» И даже в войну, в минуты жесточайших испытаний, нервных напряжений, переживаний, не взял в руку папиросу. Но несправедливости гордый Жуков стерпеть не мог. Потому и отбил своему командиру гневную телеграмму.

Надо отдать должное командующему округом, к протесту командира он отнесся с пониманием, принципиально. Назначил инспекционную проверку. Та установила: для наказания командира серьезных нарушений нет. Уборевич лично сообщил об этом Жукову. Фактически признал свою вину, извинился перед подчиненным. Что в армейской среде, согласитесь, случается нечасто. Между военачальниками установились деловые, уважительные отношения. И на закате своих

дней Георгий Константинович признавался: «Оглядываясь назад, я должен сказать, что лучшим командующим округом был командарм 1-го ранга И. Уборевич. Никто из командующих не дал так много оперативно-тактической подготовки командирам и штабам соединений, как И. Уборевич и штаб округа под его руководством».

Как результат – в 1935 году на инспекторских просмотрах теперь уже 4-я Донская казачья дивизия показала такую высокую боевую, политическую подготовку, что вскоре была награждена орденом Ленина. Вручал высшую награду страны случким кавалеристам сам С. Буденный, который, кстати, потом еще трижды посещал соединение. Орден Ленина получил и командир дивизии Жуков.

Жук против Жукова

Прочитав в районной газете,

что в годовщину Октябрьской революции парад в Слуцке принимал командир дивизии Г. Жуков, житель деревни Повстьинь Григорий Жук воскликнул: «Уж не мой ли это взводный?» Попад по каким-то делам в райцентр, крестьянин первым делом заглянул в штаб дивизии. Назвался дежурному, пояснил: дескать, похоже, что с вашим командиром в начале 20-х мы громили банды Антонова. Ему ответили: Георгий Константинович в отъезде, но как только вернется, мы доложим о вашем визите...

Недели через две в Повстьине появилась легковушка – явление по тем временам редкое. Военный спросил бежавших за авто ребятшек, где живет Григорий Жук. И, найдя его, пригласил: пожалуйста, в машину, Георгий Константинович ждет вас...

Григорий намарафетился, прихватил кошелек только что собранных грибов. И на зависть всем сельчанам усеялся в авто. Увидев командира, радостно бросился навстречу – конечно же, это он, его взводный! Правда, погрузивший, с поредевшей шевелюрой. Узнал своего бывшего бойца и Георгий Константинович. Не мог не узнать, хотя в его подчинении пребывали тысячи солдат и офицеров...

Тогда, в начале 20-х годов, после окончания командирских курсов недавний калужский крестьянин Георгий Жуков вступил на первую ступеньку своей ловококружительной военной карьеры – стал командиром взвода, где служил и слутчанин Григорий Жук. Взводный не заносился, вне строя поддерживал с подчиненными дружеские отношения. И когда на досуге озорные красноармейцы предложили выяснить, кто из «двух Жуков» сильнее, долго не сопротивлялся. Григорий и Георгий вышли в круг. Заиграла молодая кровь, два бычка пытели долго. Наконец случий изловчился и завалял калужского. Уже тогда будущий полководец не любил проигрывать. Но поражение перенес достойно. Даже вручил Жуку приз – собственную нагайку. Пообещав, что в следующий раз непременно положит Гришу на лопатки. Но очередная схватка не состоялась, Жукова вскоре назначили командиром эскадрона, а Жук демобилизовался, начал пахать землю в

Повстьине. И на тебе – такая неожиданная встреча спустя почти полтора десятка лет!

На столе появились графинчик с водкой, закуска. Вначале Жуков отставил свою рюмку в сторону, объяснил: ожидается командир корпуса, нехорошо дышать на начальство перегаром. Жук отодвинул и свою рюмку – дескать, он не алкоголик, чтобы пить в одиночку. Поколебавшись, Георгий Константинович махнул рукой: ладно, ради такой встречи давай, как-нибудь выкручусь.

Выпили. Напряженность как рукой сняло. Пошло традиционное: «А помнишь?» Но кто забудет молодые годы, особенно если они прошли в такое бурное время? С улыбками вспомнили первые минуты знакомства. Тогда Жуков построил взвод, окинув взглядом бойцов, покачал головой: на ногах некоторых лапти, одежда залатанная... Покосился на свои недавно полученные брюки.

– Я знаю, что вы не любите мои красные штаны, – заявил он. – Знаете ли, у меня других нет, ношу то, что дала Советская власть. Но ничего, разобьем банды – разживемся, придемся.

Задумчивый разговор прервал телефонный звонок. Комдив засобирался. Поднялся и Григорий Жук, тем более что графинчик изрядно опустел.

– Спасибо за грибы, очень их люблю, как и помидоры, рыбу, – крепко пожал гостю руку Георгий Константинович. – Понадобится помощь – обращайся без стеснений. Это была последняя встреча «двух Жуков». Вскоре Георгий Константинович пошел на повышение, стал командиром корпуса. И уехал из Слуцка.

«Я буду маршалом!»

В 1935 году ввели персональные воинские звания, маршалами Советского Союза стали Блюхер, Буденный, Ворошилов, Егоров, Тухачевский...

– Однажды мы находились в тесном офицерском кругу. И нас удивило, поразило твердое заявление Георгия Константиновича: я обязательно буду маршалом СССР!

Этот фрагмент из воспомина-

ний одного из красных команди- ров, хранящихся в Слуцком краеведческом музее, относится к 1935 году. Тогда Жукову не было и сорока.

Под его командованием 4-я Донская казачья быстро вернулась в строй образцово-показательных соединений. Особо высокую боевую выучку дивизия продемонстрировала на маневрах в 1936 году при форсировании Березины, где когда-то самоуверенный Наполеон растерял остатки своей «непобедимой» армии... Под прикрытием плотной дымовой завесы полтора десятка танков механизированного полка неожиданно для «противника», не ожидая наведения мостов, своим ходом, по дну преодолели довольно глубокую реку и ринулись в атаку. На глазах изумленного народного комиссара обороны СССР К. Ворошилова. Он, в прошлом рубака-кавалерист, не раз форсировал реки с саблей, мауэром, уцепившись за хвост боевого коня. Но чтобы вот так, с ходу, под водой, в бронированной коробке с пушкой, пулеметом...

При разборе учений Ворошилов дал высокую оценку действиям всей дивизии, особо подчеркнув находчивость, упорство танкистов. Георгий Константинович ловил каждое слово героя Гражданской войны, овеянного народной славой, одаренного почестями. «Ворошиловский стрелок», танк «КВ», названные его именем боевые соединения, предприятия, колхозы – все это он, Клим Ворошилов, живая легенда, символ непобедимости рабоче-крестьянской Красной армии. Восхищенно смотревший в глаза наркома комдив даже в самом фантастическом не мог увидеть, что через каких-то пять лет Ставка Верховного командования пошлет его, генерала Жукова, в осажденный Ленинград, на смену Ворошилову, растерявшемуся, показавшему свою неспособность в современной войне...

Получив командирскую, нравственную закалку на земле Белорусской, он станет не только маршалом, но и четырехжды Героем Советского Союза, одним из крупнейших военачальников современности, будет принимать капитуляцию ненавистного врага человечества – фашистской Германии...

Владимир БЫЧЕНЯ

Фото автора

Из пяти поколений Климовых...

Пятнадцать лет назад началась первая чеченская война. Сегодня я хочу рассказать об одном из тех парней, которые первыми закрыли собой Россию в том недоброй памяти 1995 году

...Тогда я еще не знал, что бывает после того, как его глаза, превращаясь в узкие пулеметные амбразуры, за считанные мгновения превращаются из светло-синих в почти белые, словно лед на стремительно замерзающем озере.

Вроде бы ничего не изменилось: так же монотонно погромыхивал в туннеле поезд метро, так же равнодушно шелестели газетками пассажиры. Но Димка меня уже не слышал.

Оглянувшись, я понял, куда прицелился спаренный пулемет Димкиных глаз.

На сиденье за моей спиной, широко, по-хозяйски расставив ноги в лакированных туфлях, расположились двое верзил-кавказцев. Гости столицы, громко гогоча, оживленно обсуждали висючую над ними на поручне действительно неполомешную бабульку в потертом пальто и безразмерных резиновых ботах.

– Встать!..

Это сказанное негромко, почти шепотом, слово почему-то громыхнуло в переполненном вагоне гулко и раскатисто, как винтовочный выстрел в горном ущелье.

– Э-э, чиво, а?!. – один из верзил начал угрожающе приподниматься. – Встать, сука, когда с тобой разговаривает русский офицер!.. – уже цеплая пулеметная очередь.

А дальше все было совсем не так, как в голливудских боевиках, – эффектные стойки, красивые удары... Все началось и закончилось в какие-то три секунды. Что это было – мельница, шаровая молния? Шлепок, еще, короткий хруст. Один бесчувственным кулем распластался на полу, другой, схватившись за стремительно распухавшую челюсть, отполз в угол вагона. Заголосила женщина, кто-то лихорадочно давил кнопку экстренной связи с машинистом...

Из «объективы» гвардии старшего лейтенанта Климова «Климов Дмитрий Сергеевич, 24 года, русский, холост, детей не

ФОТО СЕРГЕЯ БЕЛИКОВА/ТАСС

имеет, выпускник Рязанского высшего военного командного воздушного-десантного училища. Воинское звание – гвардии старший лейтенант.

Мастер спорта по рукопашному бою, отличный стрелок.

На территории Чеченской Республики находился двадцать месяцев в должности командира разведывательно-диверсионной группы, командира разведывательного взвода. Радиопозывной – «Святогор».

За успешное выполнение ряда боевых заданий награжден двумя орденами Мужества и медалью «За отвагу». Личный счет – 27 уничтоженных членов незаконных бандаформирований, в том числе 3 – с применением холодного оружия. Потери вверенного ему подразделения за указанный период – один убитый, трое раненых, в том числе и сам, – осколочное ранение бедра.

Волевой, требовательный, инициативный, храбрый командир. У подчиненных пользуется непрекращаемым авторитетом и уважением. Честен.

Недостатки: излишне вспыльчив, категоричен, в экстремальной ситуации может пойти напролом. Не всегда соблюдает субординацию по отношению к вышестоящему командованию.

Вывод: после реабилитационного периода может быть использован в должности «командир разведоты».

...Двое милиционеров растерянно вертели на платформе метро Димкины военный билет и орденскую книжку.

– Ну ты-то че полез, старшой? – наконец неуверенно протянул один. – Нарушил, понимаешь, общественный порядок, – подкакнул лейтенант.

Димка угрюмо молчал. Ноги – на ширину плеч, носки развернуты чуть вовнутрь, руки – в нижнем «замке».

Димка не такой, как мы. Самое страшное, что он больше уже никогда не будет таким, как мы. Его можно везти в любые реабилитационные центры, отправлять в увеселительные круизы, пытаться делать все, чтобы вытравить из памяти глинистую грязь в крови и раскаленную докрасна броню догорающего танка. И все равно никогда не поймать той секунды, когда светлосиние озера Димкиных глаз вновь моментально покрываются белесым льдом ненависти.

Он – Воин. Я произношу это слово без всякого пафоса. Просто это такое состояние души, это Крест, который предстоит нести всю оставшуюся жизнь.

...Ротного убили подло. По-шаккали.

Когда пальба воле вздымившейся девятиэтажки стихла, с той стороны вдруг ожил мегафон. «Э-э, руськи, давай стволы вверх, с площади уби-

тых уберем, сначала мы, а потом вы!.. Стрелять не будем, клянусь Аллахом!»

Капитан Земцов сплюнул на битый кирпич и, сложив ладони рупором, прокричал в ответ: «Хрен с вами, забирайте, стрелять не будем!»

Витьку Земцова, 27-летнего командира роты спецназа ВДВ, бойцы уважали за храбрость, за справедливость и, самое главное, за то, что людей берет. Солдату можно приказать многое. Одного нельзя – заставить в курилке называть командира «батей». Курилка, она все расставляет по своим местам. Капитан Земцов в свои двадцать семь это высшее солдатское звание заслужил...

Поэтому Батя в тот Богом проклятый день не мог отпустить своих бойцов на площадь одних. «Димон, за старшего», – бросил он Климову и, закинув на плечо автомат, шагнул в пролом.

Все, что было после сухого одиночного выстрела снайпера, Климов помнит, как в туманной пелене. Помнит, как несся через площадь, как справа и слева от него поливали девятиэтажку свинцом Тень, Кабан, Бармалей, Графин... Как тащил к спасительным развалинам обмякшее тело друга и командира...

Пуля снайпера пробила Витьке горло навилет. Он был еще жив, тяжело и хрипло дышал, но жизнь короткими кровавыми толчками уже уходила из могучего Витькиного тела.

Свет в проеме застила двухметровая фигура в разорданном камуфляже. «Командир, девятиэтажка наша! – проорал через грохот очередной ефрейтор Леха по кличке Тень (в спецназе клички-позывные – у всех). В своих пудовых кулаках он сжимал ручной пулемет. «Троек «чичей» взяли живьем и этого... ну который... Батю...»

Кабан и Графин втолкнули худого бритоголового бородача лет сорока. Тень с размаху грохнул на кирпич «освэдэшку» с разбитой оптикой.

– Командир, я не хотел, меня заставил Усман, – угрюмо выдавил

из себя бородач.

– Мы тебе, тварь, сначала уши с башки срежем, потом все твои причиталды повыдергиваем, – начали подзаводить друг друга Бармалей с Кабаном, – а потом...

– Отставить! – глухо перебил взводный.

– Лейтенант, а они, они что с нашими даже ранеными делают?!

– Я сказал – отставить. Мы – не они. А теперь все вон.

Солдаты хмуро разбрелись по местам.

Перед Климовым стоял обезоруженный враг, который полчаса назад подло, нарушив неписанные воинские законы, убил его друга и командира. Он нарушил Слово Воина и стал шкалом.

По инструкции, конечно, было положено доложить комбату. Тот доложит в полк и за этим бородач придет особыта. А потом он окажется в высоком штабе, где его уже не кокнешь, – кругом газетчики и телевидение. И какой-нибудь правозащитник ответит его в Страсбург, где он с удовольствием расскажет по «ящику» о кровавых русских империалистах и гордой борьбе свободолюбивого ичкерийского народа. И тогда лейтенанту Климову нечего будет сказать своим солдатам...

В кармане Димкиного камуфляжа лежали запытые кроваво-документы капитана Земцова и фотография. На ней – объявившись, улыбающаяся жена Ира и большеглазый шестилетний мальчик. И на обороте – трогательные детские каракули: «Папи Вити от мамы и Вовы. Мы тебя очень любим и ждем».

Климов нажал на пуск.

– Тень, передай радисту, что мы взяли не троих, а двоих! Двоих, понял?!

А потом Димка попал «в распоряжение». Есть такая форма в армии. Это когда ты вроде бы не у дел, в таком полупутпуске-полуболталении в ожидании нового назначения. А что делать? Война закончена, пушки зачехлены, маркитантки пудрят носики...

Мы сидели с Димкой в ма-

ленькой кафешке на Садовом кольце и допивали уже по третьей чашке кофе.

– Знаешь, Сань, я ведь на войне-то и не был...

– ?!

– Ага. У нас у всех в документах классная формулировка: «Находился в районе чрезвычайного положения для наведения конституционного порядка». Я вот сейчас книжки всякие умные читаю, может, разъяснит кто мне, дураку, чем это от войны отличается. ...Хлопнула дверь, и в кафе шумно ввалилась стайка молодых парней и девчонок. Девчонки были «еще те». «Ну ты даун! За полкосаря «зеленью» я б тебе сама дала, уау!..» – весело гогоча, компания рассаживалась за соседним столиком. Прыщавый художочный отрок с серьгой в ухе двинулся вихляющей походкой к барной стойке.

– Нет, ты скажи, за что погибли ребята? – Димка буравил глазами «продвинутых» соседей, – за что погибли Батя, Бармалей, мотострелки в Грозном?! Чтобы эта сволочь тут веселилась, коктейли жрала?!

Я с опаской взглянул на Климова. Но нет, это была не та злость, что в вагоне метро. Глаза его оставались прежними, разве что только предательски повлажневшими. Это был огонь, направленный вовнутрь, всепожирающая энергия, испепеляющая самый смысл собственного существования.

Димка зашелестел страничками своего потертого фронтowego блокнота. Оказалось – стихи. Никто не знает автора. Просто стихи, которые передаются из роты в роту, из батальона в батальон. И те солдатские стихи, зачастую наивные, почти всегда не отвечающие законам ямба и амфибрахия, но всегда – искренние...

Войско выносило стойко Груз приказов и требований. А в России – перестройка Аппаратов и штабов. Реагировали губко: «Это что, мол, за война?..» И кивнули – «Да, ошибка, Но ошибка ж! Не вина!»

Александр ЧУДАКОВ